

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани

Средневековые тюрко-татарские государства

Выпуск 2

Казань – 2010

ББК 63.3
С 75

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 10-01-29181 Г / В / 2010)

Редакционная коллегия:

*Р.С. Хакимов, И.К. Загидуллин (сост.),
Б.Р. Рахимзянов (отв. ред.), Р.Р. Исаков, А.Г. Ситдиков*

Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 2. – Казань:
Изд-во «Ихлас», 2010. – 328 с. + 24 с. цв. вкл.

В сборнике статей представлены доклады участников Международной научной конференции «Историческая география и социокультурное развитие средневековых тюрко-татарских государств (XV – вторая треть XVIII вв.)» (16–17 марта 2010 г., г. Казань).

ISBN 978-5-9047-3544-9

© Институт истории АН РТ, 2010
© Издательство «Ихлас», 2010

СЕКЦИЯ «СИБИРСКИЙ ЮРТ»

Д.Н. Маслюженко

Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии

В конце XV века сибирская княжеская династия Тайбугидов стала единственной, сумевшей свергнуть власть части рода Чингис-хана – Шибанидов, на северной периферии бывшей Монгольской империи, и удержать ее за собой более чем на 70 лет. Очевидно, что период существования их политического объединения совпадает со временем постепенной утраты власти и политического влияния Чингизидами на значительной территории (так, синхронные процессы проходили в Русском государстве). Однако Тайбугиды попытались полностью дистанцироваться от чингизидской политической традиции и создать свою политическую идеологию, отличную от легитимизации через марионеточных ханов у Ногаев, или образа «белого царя» на Руси. В тоже время при рассмотрении истории Искерского княжества Тайбугидов мы должны осознавать, что смотрим на нее через призму русских летописцев, которые основывались на определенных штампах, характерных для русской исторической традиции.

Генеалогия играла важную роль в государственной и политической жизни государств эпохи средневековья. Зачастую на первое место она выходит в тех случаях, когда необходимо было юридически оправдать узурпацию власти, как это было в нечингизидских объединениях Тимуридов, Мангытов Бухары или Мингов Коканда. Для этого, среди прочего, можно было обосновать выдуманное происхождение от Чингис-хана, отослав тем самым к основной традиции, или составить нелестные характеристики на своих конкурентов [см. подробнее 50, с.170–179]. На наш взгляд, такой подход вполне применим и к генеалогии Тайбугидов.

Генеалогия этой династии достаточно хорошо реконструируется по данным русских письменных источников, которые возможно опирались на не дошедшие до нас татарские летописи и/или устные рассказы. В тоже время истоки власти и период ее установления, как и историчность основателей и первых правителей из этой династии – Он-сом-хана и Тайбуги – до сих пор остаются предметом дискуссии [начатой еще во времена Г.Ф.Миллера: 31, с. 185–189]. Особенную актуальность она приобрела в рамках конструирования истории т.н. «Ишимского ханства» как первого татарского государства в Западной Сибири [56, с. 117 и далее]. На наш взгляд, ранние этапы истории данной династии могут не только носить на себе следы эпического творчества, но и создания особого политического мифа Тайбугидов с целью обоснования прав этой династии на власть (с современной точки зрения, это по своей сущности фальсификация генеалогии как метод легитимизации). Анке фон Кюгельген, выявляя методы легитимации мангытской династии в Средней Азии, среди прочих пишет об особом значении генеалогии и ориентации на образец для подражания в лице выдающихся лиц прошлого, в том случае если первый способ был недостаточен [23, с. 54–55]. В данной работе мы попытаемся обосновать допустимость использования этих теоретических посылов к истории Тайбугидов.

С этой целью необходимо рассмотреть источники изучения генеалогии этой династии и выявить возможные аналоги личностям Он-сома и Тайбуги в имперской историографии с учетом исторической подоплеки прихода Тайбугидов к власти в результате военного переворота и убийства тюменского хана Ибрахима из династии Шибанидов около 1493 года. Этот заговор может рассматриваться и как ответ на произошедший до того террор самого Ибак-хана в отношении некоторых представителей сибирской княжеской династии. Предварительно отметим, что мы не будем обсуждать статус княжества Тайбугидов как в целом на постзолотоордынском пространстве, так и внутри Тюменского или Сибирского ханств, особенно с учетом точки зрения В.В.Трепавлова о

невозможности полного государственного суверенитета княжества в условиях чингисидской политической карты [54, с. 386]. Очевидно, что имеющиеся источники свидетельствуют о том, что, по крайней мере, непосредственно в период активизации переговоров с Москвой сибирские беки пытались отстаивать свой сепаратизм от любого гипотетически имевшегося номинального сюзерена, хотя и полагались на возможно существовавшую поддержку ногайских беков. Другое дело, что дальнейший приход к власти Кучума, в том числе и в результате приглашения сибирской знатью, говорит о провале этой политики [26, с. 124]. К тому же на значительном промежутке времени после свершившегося переворота (кроме возможно периода 1530–1540-х гг.) в Сибири, в частности в Чинги-Туре, сохранялись правящие ханы из династии Шибанидов [26, с. 101 и далее]. В этом отношении может быть резонным предположение о том, что сибирские князья были не столько правителями отдельного государства, сколько могут рассматриваться как часть Тюменского ханства. В таком случае стольный город Искер и формирующиеся вокруг него земли есть часть политики по расширению границ Шибанидских владений. Эта проблема еще в целом требует своего осмысления.

Анализ источников реконструкции генеалогии Тайбугидов

Попытаемся выявить общее и особенное в имеющихся письменных источниках в целом по всей истории рода Тайбугидов. Первое упоминание бека из этой династии можно обнаружить в Патриаршей летописи и близких к ней, что в целом совпадает с широко известными переговорами между Сибирью и Москвой в середине XVI века. В этом контексте упоминается только князь Едигер как фактический правитель Сибирского княжества [38, с. 285, 313]. Реальность этих переговоров подтверждается упоминанием о них в контексте переписки ногайского бека Исмаила и русского царя Ивана IV о судьбе дочери бека, которая имела сына от Едигера и по невыясненным причинам оказалась в Москве. Очевидно, что этот сын для авторов Сибирских летописей и их информаторов оказался неизвестным [26, с. 124].

Следующее упоминание встречается в письме русского царя Федора I к Кучум-хану: «...после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князь Табучи на роду Магмет князь, а после него Кадый князь...» [9, с. 11]. Причем, на наш взгляд, фиксируемая здесь более подробная генеалогия могла быть создана под влиянием находившихся в это время в Москве Маметкула Алтыуловича (возможно, происходившего из ногайской знати на службе у Кучума), князя Сейдяка Тайбугида и Кучумовичей.

Лишь в XVII века фиксируется известная нам подробная генеалогия этого рода в блоке Сибирских летописей Есиповской группы, Строгановской летописи и «Сибирской истории» С.Ремезова, а также в основанной на «второй ремезовской истории» Черепановской летописи XVIII века, которая в большей степени является научным памятником компилятивного плана. При этом дискуссия о взаимозависимости и хронологической последовательности этих источников имеет длительную историографическую традицию [3, с. 195 и далее; 34, с. 57 и далее]. Сложность проводимой реконструкции заключается, как нам кажется, в многослойности самих письменных источников, которые отражали как взгляд неизвестных нам татарских рассказчиков и летописцев, так и русских (православных) авторов.

Существует предположение, что впервые полная генеалогия была зафиксирована в «Повести летописной» начала XVII века, написанной Черкасом Александровым, головой тобольских служилых татар. Информация эта была извлечена из устных и возможно письменных сведений, собранных автором в ходе экспедиции Ермака, участником которой он был. Кроме того, частично она была дополнена сведениями взятого в плен в 1587 г. бека Сейдяка (Сеид-Ахмада) Тайбугида [58, с. 73–74]. Отметим, что уже в данном источнике основным информатором выступает именно представитель княжеской династии, что не может не наложить определенный отпечаток на всю летописную традицию. При этом Черкас Александров был назначен татарским головой на Тару в период 1593–94 годов, когда часть населения этого улуса еще продолжало выплачивать ясак хану Кучуму [11].

В наиболее ранней форме в рамках Сибирских летописей генеалогия фиксируется в изначальном списке в Румянцевском летописце: «На рецы же Обе царь некий бе Моаметева закона, именем Он, и убиен бысть. У него же бе сын Тайбуга. Сей прииде на реку Туру и созда град и нарече Чингиден». После него правил его род, первым из которых упоминается Адеров сын Моамет, который убил казанского царя Упака и град Чингиден разрушил, поставил себе град на Иртыше, который назвал Сибирь [39, с. 32].

Более подробный рассказ фиксируется уже в Есиповской летописи Основной редакции 1636 года, которая частично основана на данных татарского летописца: «О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца татарского, ино же достоверны мужы испытовах, иже добре и некосноно поведоша ми...» [39, с. 42]. В основной редакции идет речь о следующем: «На сей же реке Ишиме бе царь Моаметова закона именем Он. И воста на него его же державы от простых людей имянем Чингис и шед него яко разбойник, прочими, и уби царя Она и царство сам приемлет Чингис» [39, с. 46]. Затем следует история о спасении слугой Она сына его Тайбуги (который в заглавиях беллетризированной Забелинской редакции именуется царевичем [39, с. 107–108]), о чем спустя время узнает царь Чингис (причем в Нарышкинской редакции (1694 г.) он почтил Тайбугу «яко сын царева» [39, с. 235]). Царь дарует ему княжение и затем, собрав воинство, отпускает воевать на Иртыш чудь. «Князь же Тайбуга, шед с воинством, многия царю покори по реце Иртышу и великой реке Оби», то есть он захватил людей для царя. Возвратившись с этим известием, Тайбуга получил еще большие почести, и отпустил его Чингис жить туда, где хочет. Тайбуга поставил град Чингиден на Туре, где сейчас Тюмень. После него правил там Ходжа, затем его сын Мар, который был убит казанским царем Упаком (чаще всего идентифицируется с тюменским ханом Ибаком), который долго правил в Чимгидене. «Маровы же дети Ядер и Ябалак умре своею смертью» [39, с. 47].

Сын Ядера Мамет убил Упака и разрушил град Чингиден, а затем построил новый город на Иртыше Сибирь. После его смерти пресеклось царство на Ишиме. В оригинале некоторых редакций данного летописного рассказа речь идет об изначальном царстве на Иртыше (например, в Лихачевской редакции [39, с. 119]). В Погодинском летописце окончание царства на р.Ишим связывают со смертью Чингиса, а не с переселением Мамета в Сибирь [39, с. 129]). Поочередное упоминание двух рек может быть связано с расположением города в устье Ишима, то есть недалеко от Иртыша. Смысл фразы об окончании царства на Ишиме в данном контексте не совсем ясно, особенно если учитывать, что все беки, начиная с Тайбуги, правили в Чимгидене, который большинством авторов безоговорочно связывается с Тюменью (в частности, по расположению новой столицы на реке Туре). Возможно, в этой фразе можно увидеть отголоски неких ишимских владений данной династии, которые были потеряны на протяжении XV века, в период правления ханов Шибанидов Хаджи-Мухаммада, Абу-л-Хайра и Ибрахима. Хотя в целом из контекста источников следует, что столицей княжеской династии явно выделялась именно Чимги-тура на Туре, и в таком случае роль ишимских владений со столицей в Кызыл-Туре в составе Сибирского юрта не до конца ясна и требует дальнейшего, в том числе археологического, изучения. В частности, картина внутренних взаимоотношений внутри этого юрта осложняется тем, что сгоревшие укрепления Кызыл-туры датируются периодом между 1243–1438 годами. При этом поздние слои данного памятника связывают с бакальским населением, основная территория бытования которого располагалась по Тоболу, где они были основой для складывания групп тобольских и тюменских татар, при этом на Ишиме иных памятников с данной группой керамики не выявлено [12, с. 58–59].

Далее в академической редакции уточняется, что после Мамета пресеклось царство на Ишиме: «понеже и его разруши князь Махмет, Обдера, князя сибирского, сын» [39, с. 357]. Затем перечисляются сибирские беки: после него княжили на Сибири Ябалаков сын Агиш, затем Маметов сын Казым, после него Казымовы дети Етигер и Бекбулат, которых убил Кучум [39, с. 47].

К этой истории в Лихачевской редакции на основании устных рассказов и не дошедших до нас источников во второй половине XVII века добавляется, что после возвращения Тайбуги из похода царь Чингис «...наипаче ему честь дарует, но и дочь свою даде за него в жену» [39, с. 118]. После этого Чингис отпустил их на реку Туру. Когда Чингис умер бездетным, то приказал все царство отдать зятю своему и дочери. В этой же редакции также указывается, что инициатива свадьбы князя Мара на сестре казанского царя Упака исходила от отца первого Ходжи. Причем вскоре после этого последний был убит в ходе похода на Бухарского хана Амара, что на уровне гипотезы и, исходя из реконструируемой хронологии Тюменского ханства, может быть связано с военными столкновениями между ханом Ибрахимом и Мухаммадом Шейбани [28, с. 247]. В правление Мара Упак пришел к своему зятю, и овладел городом и стал им править. Дети Мара продолжали жить в Чимгидене при Упаке и умерли своей смертью. Причем в этой редакции титул Мамета после того как он убивает Упака сменяется с княжеского на царский [39, с. 119]. Логически это могло быть верным с позиции русского летописца, если вспомнить подобную же трансформацию, которая произошла с титулатурой московских князей после захвата Казани. Кроме того, в редакции говорится

о том, что у Агиша детей не было, и Казыя убили ближние люди, а его сыновья восстали с родичами и разорили улусы убийц и стали править.

Таким образом, даже в Сибирских летописях Есиповской группы в зависимости от редакций существуют значительные разночтения и вариации в информации о Тайбугидах, в том числе об их титулатуре и в некоторых случаях судьбе, не подвергается сомнению только порядок правления князей. Хотя титул царя или султана (царева сына) по отношению к ним в некоторых случаях используется, следует предположить, что в реальности в условиях ханской традиции Чингисидов, доминировавшей в XIII–XVI веках, аналогичный титул не мог быть закреплен за конкурирующей династией.

В летописи Спасского, которая является списком Строгановской летописи второй половины XVII века, указывается: «Бысть в Сибирской стране на реке Ишим некто, Магметова закона, царь именем Иван, родом Татарин; и возста на него, его державы от простых татар, именем Чингис, и нашед н него аки разбойник, призвав подобных себе, и уби его и сам бысть царь. И некто от слуг царя Ивана, сына его царевича Тайбугу соблюде от Чингисова убийства. И ... уведа Чингис про Тайбуга, яко сын есть царя Ивана... и почте его великою честию, и прозва его князь Тайбуга, и иным повеле его також звати. И по сем Тайбуга начать проситися, дабы отпущен был; он же собирает ему воинство и отпустиша его». После этого Тайбуга покори себе многих людей, живущих по Иртышу до Оби, после чего вернулся к Чингису, который вновь его отпустил, что бы он где хотел, там и обитал. Тайбуга построил град Чингий на Туре. После него в том городе княжил его сын Хаджа, затем его сын Мар, у которого были сыновья Адер и Ябалак и который женился на сестре казанского царя Упака и был убит им. Спустя много лет Адеров сын Мамет убил Упака и поставил град на Иртыше, который назвал Сибирь. Затем княжил сны Яболака Агиш, после чего Маметов сын Казый, а затем дети его Едигер и Бекбулат [24, с. 28–30]. В целом это пересказ именно классической версии событий, кроме отсутствия упоминаний Ишима как коренного юрта Тайбугидов.

Информация С.Ремезова в «Сибирской истории» несколько отличается от описанной выше.

«Во имена самых первых верховных правителей басурманских: хан Онсом, кочуя по Ишиму, жив в устье Ишима реки, город его на Красном яру Кызыл-тура с тремя рядами укреплений; после хана Онсома – царь Иртышак, тем именем ... река Иртыш ... но его завоевал же Чингиз, царь тюменской; после Иртышака – царь Саргачик был вплоть до Кучума, и того Кучум взял в плен... Тюмень называлась Онцимки.

Мамет царь казанского царя Алима убил и в устье речки Сибирки выстроил город Кашлык, распространил царство в Сибири и подати установил. И с тех пор стала известна Сибирь и цари, о которых басурманская история рассказывает.

После того в Сибири в Кашлыке городе царствовала Агиш царь, Абалак Агишев, а за ним Мамет, затем Маметовы дети...

При Маметове сыне царе Сембахте....

При Саускане царе...

(а затем царь Кучум «убил царя и князя Едигера и Бекбулата») [45, с. 551–552; 11], при этом их связь с предыдущими правителями из текста не ясна. Причем такая фраза «царь и князи» встречается в летописи и ранее, что на уровне гипотезы и с учетом позднего характера текста может отражать реально существовавшее разделение власти между правителем и беклярибеком, наподобие тех, какие существовали между Шибанидами и ногайскими беками.

Возможно, что сообщение об убийстве Маметом Алима относится к Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи, основанной на народных преданиях и сохранившейся только в составе Ремезовской летописи [2, с. 123]. Очевидно, что Ремезовская летопись основывалась как на ранее созданных Есиповской и Строгановской, так и на не дошедших до наших дней татарских летописях. Считается, что автор использовал не только письменные татарские летописи, но и устные рассказы [33, с. 156–157]. В результате такой многокомпонентности первоисточников возникала путаница в самом тексте, где есть явные противоречия.

Некоторая информация, схожая с рассказом Ремезова, встречается только в более позднем, на наш взгляд, сибирско-татарском дастане «Ильдан и Гульдан», скорее всего являющимся поздним краеведческим сочинением, записанным только в XIX веке. На наш взгляд, весьма сомнительно, чтобы этот дастан, несмотря на схожесть ряда сюжетов, мог выступать в качестве одного из источников сибирского летописания. В частности, здесь встречаются фигуры братьев Ансам-хана и Иртышака, наследников Ишим-хана, которые не только подавляют восстание местной «черни»,

но и воюют с Чанги-би (бием?). Отметим, что местные лидеры тем самым имеют более высокий по значимости титул, чем Чанги. История их противостояния с захватом столицы Кызыл-туры и строительством затем бием Чанги-туры, хотя и вписана в легендарный эпический сюжет, в целом весьма близка к иным сибирским летописным рассказам, причем здесь, как и у Ремезова, отсутствует фигура Тайбуги. Принципиальным отличием выступает то, что в конце концов Иртышак здесь разбил своего противника и восстановил свои владения, а его брат Ансам был разбит в ходе народного восстания (кстати, о жестоком отношении этого хана к населению сообщает и И.Черепанов) [15, с. 17–31; 17, с. 123–124].

При этом у самого Ремезова, Кучум разбивает как неизвестного нам Саргачика, так и Едигера и Бекбулата. Обращает на себя внимание, что только в этом источнике также упоминается казанский царь Алим, возможно известный по казанским источникам Алим-бек, сын правителя Булгара Абдуллы-хана, который после нападения Тимура «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-туру» [5, с. 67–69; 17, с. 18; 43, с. 579 и примечание 125]. Алим здесь заменяет фигуру Упака (тюменского хана Ибака) из летописи С.Есипова. Отметим, что у Рахима в одном из народных перечней казанских ханов есть некий Апак-хан (перед Абдуллатифом), о котором сам автор ничего не знает [43, с. 562]. Несомненно, что Ибак-хан Тюменский, с которым идентифицируется Упак сибирских летописей, никогда не правил в Казани, в отличие от своего брата Мамука. Однако у него при дворе пребывал казанский князь Алгазый, возможно беклярибек опального казанского хана Ильгама, и ряд других представителей знати этого политического объединения, в том числе верховный сеид Теввекель [16, с. 175–176]. Не мог ли это факт стать основой для представлений сибирских татар о закреплении титула казанского хана за Ибрахимом. Кстати, Тобол-тура встречается и в Черепановской летописи, только там ее основателем выступает родственник Тайбуги по имени Тоболак [61, с. 276]. Очевидно, что в этих повторах мы сталкиваемся с некими отголосками именно татарских рассказов, использованных и переработанных русскими книжниками.

Кстати, в этом же источнике имеется уникальная информация о походе Кучума на Казань, где он берет замуж дочь казанского царя Мурата и приводит «с нею многих чюваш и абыз» [45, с. 552], которая не подтверждается иными летописями. Очевидно, что источники С.Ремезова несколько отличались от тех, которые были использованы более ранними летописцами (в частности, он сам упоминает бусурманских летописцев [45, с. 554]). Таким образом, С.Ремезов на самом деле мог заимствовать информацию из иных, в том числе казанских, источников и в целом его рассказ попытка совместить казанские и сибирские известия. Отсюда и некоторые нестыковки в последовательности событий и двойных повторах Кучума. При этом отсутствует столь значимая фигура как Тайбуга. В целом ремезовский рассказ гораздо подробнее и запутаннее, но он является более поздним по отношению к исследуемым событиям и не всегда ясен источник информации, что снижает степень доверия к данному рассказу.

Следует учитывать, что Ремезов параллельно с этим создавал Чертежную книгу Сибири и некоторые из упомянутых им правителей на самом деле могут быть лишь отражением народных этимологий, собранных, прежде всего, среди ишимских татар и объясняющих те или иные топографические и географические названия [36, с. 20]. В результате только в данном источнике встречается подробно развернутая история Ишимского государства, существование которого иными источниками не подтверждается. Возникает вопрос о степени достоверности данной информации, роли в них народных этимологий и стремления информаторов удревнить свою историю в условиях роста политического влияния Русского государства.

В целом этим завершается круг источников по генеалогии династии Тайбугидов. Отметим, что при этом кратком анализе мы отбирали лишь те рассказы, которые были хронологически близки к периоду правления Тайбугидов. Несомненно, что у авторов XVIII века также можно найти оригинальную информацию, но всегда возникает вопрос ее историчности.

Проиллюстрируем это на примере летописи И.Черепанова как примера краеведческого сочинения, к сожалению, до сих пор неизданного и по этой причине использованного нами в пересказе Н.Абрамова. По мнению, А.И. Андреева, при создании своего сочинения И.Черепанов использовал «Сказание о сибирских народах» С.Ремезова, которое также известно как «вторая ремезовская история», не сохранившаяся в качестве самостоятельного сочинения и отличающаяся от рассказанной выше, в частности присутствием Тайбуги [3, с. 186–188].

В данном сочинении имеется расширенная генеалогия данного рода, причем за счет добавления 15 поколений правителей до Он-Сона. Сам он трактуется как сын правителя Кызыл-Туры Юзака и брат наследовавшего ему Мунчака. При этом Он-Сон, притесняемый братом, был

вынужден удалится с преданными улусами на Иртыш, возможно к Искеру. Вскоре он обложил данью все окрестные племена по Ишиму, Иртышу, Тоболу и Туре и стал активно торговать с соседними ордами. Благодаря этому он прославился и стал могущественным, пока не напал на него «некий Чингий», который овладел его ханством. Также уточняется, что спасен был только самый младший сын Тайбуга, причем его скрыл в отдаленном месте «дворецкий Чингия Мурат бий» [1, с. 712]. Заметим, что появление этого имени – информация поистине уникальная, особенно с учетом того, что в иных источниках в связи с историей Сибири упоминается казанский царь Мурат, чья дочь стала женой Кучума, и некий Шах-Мурад, возможный отец Тайбуги по ряду сибирско-татарских краеведческих сочинений и рукописей [12, с. 41; 19]. По нашему предположению, С.Ремезов, а через него И.Черепанов, пытались в одном сочинении состыковать максимальное количество доступных им источников, по сути, конструируя историю по образцу многих современных исследователей. Дальнейшее изложение в целом совпадает с традиционными точками зрения, изложенными выше, кроме уточнения о том, что Чингигура была названа в честь благодетеля, то есть Чингия [1, с. 713]. Расширенная генеалогия сибирских князей, использованная для реконструкции истории Ишимского ханства, присутствует только в этом позднем по времени произведении и происхождение этой информации нам неизвестно.

Было бы интересно обсудить роль в создании сочинений С.Ремезова и И.Черепнина эпических сказания сибирских народов, для которых характерна ориентация на примеры для подражания в виде легендарных предков-героев и завещанные ими порядки. По мнению В.В.Трепавлова, «ко времени письменной фиксации эпические произведения были хронологически и композиционные многослойными... описанные в нем события отразили множество своих исторических, реальных прототипов» [52, с. 323]. Таким образом, эпос может отражать некую усредненную картину бытования политического объединения. Именно такая многослойность и формулировка традиций читается в описанных выше рассказах С.Ремезова и И.Черепнина. Следовательно, найти здесь можно не реальные события, а их символизацию в народном сознании. В результате мы наблюдаем значительное усложнение событийной канвы, но не можем ответить на вопрос о реальной историчности Ишимского политического объединения.

Таким образом, наиболее ранняя информация о Тайбугидах содержится в русских летописях в связи с их перепиской с Москвой, затем в грамоте Кучуму от царя Федора. В XVII веке она вначале фиксируется у С.Есипова (который явно ориентировался именно на тобольские источники, близкие к Тайбугидам), затем под его влиянием в Строгановском летописании, и еще позднее у С.Ремезова (который к тому же мог использовать эпические сказания и народные этимологии, собранных в ходе работы над Чертежной книгой). Последний, по замечанию А.И. Андреева, следует рассматривать не как независимый источник, а как повесть, хотя и основанную на татарских рассказах. Рассказ С.Ремезова, в частности т.н. Вторая история, неизвестный в оригинале, затем скомпилирован Черепановым, который свел его с данными Г.Ф. Миллером и рядом других, создав краеведческое сочинение. Тем самым, данная летопись, по сути, не может рассматриваться как первоисточник, как, по всей видимости, и дастан Ильдан и Гульдан. Несомненно, что более достоверными для реконструкции генеалогии Тайбугидов следует считать ранние источники, которые подтверждаются и логикой исторического развития сибирской государственности.

Поиск аналогов событиям сибирских летописей в монгольской имперской историографии

На наш взгляд, анализ источников показывает особую значимость нескольких личностей, приведших Тайбугидов к политической власти в Сибири. Среди них на первом месте стоят фигуры Он-сом-хана и его сына Тайбуги, чья деятельность по соотношению с образом Чингис-хана весьма условно относится к периоду первой половины XIII века, а также фигуры Ходжи, Мара и Мамета, которые приблизительно датируются второй половиной XV века, то есть периодом правления тюменского хана Ибрахима и его наследников (последние подробно разобраны в работах А.Г.Нестерова, указанных в библиографии). Первые две фигуры являются основателями рода, чьи личности в силу традиций средневековой историографии всегда окружаются мифами, вторые выступают уже реальными правителями, при которых династия укрепляет свою власть и создает идеологию. Это окончательно закрепляется при последних правителях (в данном случае Едигере и Бекбулате, а также Сейдяке), активно действующих на международной арене в условиях середины – второй половины XVI века. Между ними образуются значительные хронологические лакуны, которые либо вообще не заполняются как между первыми и вторыми, либо заполняются

незначительными оговорками, не способными в целом помочь в реконструкции истории Сибирского княжества. При этом очевидно, что власть Тайбугидов отнюдь не пользовалась всеобщей поддержкой: Казыя убили близкие люди, а пришедшие к власти его наследники, Едигер и Бекбулат, вскоре, возможно не без влияния соседних ногайских лидеров, были вынуждены стать вассалами Москвы и, несмотря на это, все-таки потеряли престол.

Обратимся к первому значимому образу – Он-сом-хану. Возможность атрибуции Он-сом хана как известного союзника и соперника Чингис-хана керейтского Ван-хана уже неоднократно рассматривалась в литературе (И.Б.Фишер, Г.Ф. Миллер, Л.Н. Гумилев, С.В. Бахрушин, В.Д. Пузанов и другие) и сейчас вряд ли может быть подвергнута сомнению. При этом С.В.Бахрушин предположил, что данный хан мог рассматриваться определенными кругами в качестве фиктивного родоначальника [31, комментарий на с. 467]. Однако ряд исследователей независимо друг от друга поставили вопрос: в чем был смысл привлечения настолько далеких событий в собственную шеджере [42, с. 72–73; 58, с. 72; 62, с. 20]. Приведенные сюжеты противостояния Он-Сома и Чингиса во всех источниках настолько схожи, что напрашивается вывод, что Тайбугиды специально заимствовали данные события из истории Монгольской империи для обоснования своих прав на власть в Сибири. Скорее всего, само родство с Ван-ханом для Тайбугидов было полностью фиктивным. Причем, судя по всему, подобные легенды были широко распространены в степи и возможно входили в круг информации, которая передавалась среди несториан, особенно с учетом сближения фигуры Ван-хана в ряде источников с пресвитером Иоанном [59, с. 30 и далее]. Как отмечал, еще Гильом де Рубрук, несториане превозносят короля Иоанна, «говоря о нем в десятеро больше, чем согласно было с истиной» [46, с. 113]. В целом, как мне уже приходилось доказывать водной из работ, в сюжете о противостоянии Он-сом-хана и Чингиса по Сибирским летописям явно отражено знаменитое противостояние керайтского Ван-хана и Чингис-хана [25, с. 62–71]. При этом в летописях некоторое время упоминается личное благословение Ван-хана на это [13, с. 25–27]. Одновременно старшая дочь Ван-хана была взята в жены Темуджином, что также скрепляло эти династии [22, с. 347]. По мнению А.Г. Юрченко, эта свадьба была чрезвычайно важна для несторианского политического мифа, в рамках которого представители этой религии искали свое место под солнцем внутри новой империи [59, с. 40].

Интересно, что в целом эта версия совпадает с общепринятой в русских, грузинских и армянских летописях XIII–XV веков, по которым Чингис считался лишь «генералом», поднявшим бунт [13, с. 28; 57, с. 120–121]. Джованни дель Плано Карпини указывает, что Чингис «...начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу» [37, с. 43]. Чрезвычайно схожая легенда излагается у Гильома де Рубрука и затем пересказывается Роджером Бэконом в «Великом сочинении» XIII века. Они пишут, что у несторианского пресвитера Иоанна, бывшего чрезвычайно популярным образом в европейских документах этого времени, был брат Унк. Он господствовал в г.Каракорум и пытался захватить «земли моалов». Когда Иоанн умер, то его брат стал именоваться Унк-хамом. «Среди моалов... был некий кузнец Цингис, который похищал и уводил скот этого Унк-хама» (у Рубрука он ремесленник). Он объединил вокруг себя всех монгол (моал в источнике), разбил хама, «и взял дочь Унка, и отдал ее сыну своему в жены», а после этого стал величаться Цингис-хам. У сына вскоре родился сын, которого назвали Мэнгу, и он стал наследником Цингиса [30, с. 216–217; 46, с. 114–115]. Подобный же сюжет можно найти у Марко Поло и Винченца де Бовэ, где особо отмечается факт неповиновения Чингиса своему господину и, следовательно, организации восстания [59, с. 32]. Отметим, что, по мнению некоторых исследователей, наименование Чингиса кузнецом может быть связано с переводом его имени Темучин [20]. В данном случае, очевидно, что в определенном круге источников присутствует негативная оценка условий прихода к власти и самого образа Чингисхана, что характерно, в том числе и для Сибирских летописей. Отметим, что, судя по «Сокровенному сказанию», сам Чингисхан вплоть до последнего столкновения с Ван-ханом был готов признавать свое младшее партнерство в данном союзе [22, с. 345].

В целом схожесть приведенной легенды во многих регионах говорит о том, что Тайбугиды здесь вполне могли опираться на одну из версий пришествия Темуджина к власти. Отметим, что в большинстве случаев она характерна для регионов с христианским населением и возможно приведенные выше известия могли быть получены именно из рук несториан. Автором в ряде публикаций высказывалось предположение о значимости несторианской веры на территории улуса Шибана, куда входила в том числе и Западная Сибирь [26, с. 69–70; аргументация использованных при этом известий как информации о буддистской принадлежности сибирского населения см. 21,

с. 190–192]. Таким образом, сюжет о столкновении Ван-хана и Чингиса явно был хорошо известен на территории Монгольской империи и сопредельных территорий как в письменных, так и возможно в устных источниках, особенно несторианского происхождения. Исходя из подобной легенды, Тайбугиды обладали не только не менее древними правами на власть над данной территорией по своему происхождению, но даже имели преимущество над потомками Чингиса. Сам Чингис признавался разбойником, выступившим против своего хана, то есть узурпатором власти. В таком случае борьба Тайбугидов против потомков Чингис-хана могла быть признана восстановлением утраченных прав. При этом обращает на себя внимание изначальное равенство титулатуры эпического родоначальника Онсома и Чингиса как царей и дальнейшая потеря ее Тайбугидами, что отражает процессы развития монгольской государственности в захваченных регионах.

Однако версия политического мифа Сибирских летописей несколько сложнее по своей структуре и отнюдь не прямолинейна. С этой целью необходимо рассмотреть вторую значимую личность – Тайбугу, от имени которого пошло название всей династии. В качестве дополнительного шага к политическому главенству в источниках сообщалось о том, что сам Чингис-хан «воздал ему (то есть Тайбуге. – Д.М.) почести. Он получил от Чингиса войско и захватил много чуди по Иртышу и Оби» [39, с. 47]. После этого Тайбуга был отпущен от двора и построил себе город Чингидин (Чимги-Тура). Суть в том, что в этой части информация говорит о том, что основатель Монгольской империи доверил управление сибирскими землями Тайбуге, то есть идет обращение к чингизидской традиции в степной идеологии. В силу многослойности самих летописных рассказов, можно предположить, что данное известие является отсылкой к феномену «чингизизма», который активно использовался для обоснования властных полномочий в золотоордынской исторической традиции [14, с. 244–262]. В тоже время, несмотря на кажущуюся противоречивость этого рассказа, такой способ управления захваченными землями нередко использовался монголами, в частности на Руси, где власть по получении ярлыка сохраняли представители Рюриковичей.

Любопытно, что в Есиповской редакции, которую некоторые исследователи считают одним из ранних вариантов сибирских летописей, говорится о том, что по возвращению Тайбуги из сибирского похода Чингис не только доверил ему земли в управление, но «и дочь свою даде за него в жену» [39, с. 118]. Рашид ад-Дин сообщает, что одна из дочерей Чингис-хана Худжин-беги на самом деле была сосватана за внука Ван-хана Тус-буку, хотя свадьба так и не осуществилась [44, с. 122]. Таким образом, это сообщение, как переворот в свою пользу известных фактов сватовства сыновей Чингиса и женитьбы его самого на дочерях Ван-хана [46, с. 115], могло быть также использовано при построении татарских рассказов, легших в основу Сибирских летописей. В любом случае Тайбуга становился гурgenом, то есть членом ханского рода по женской линии и правителем сибирскими землями как вассал императора (хотя отметим, что о последнем более речи не идет). В данном случае Тайбугиды отсылали к вполне реальной политической традиции, принятой в большинстве кочевых обществ, родства через брак (см. выше о брачных вопросах между Темуджином и Ван-ханом), поднимавшее статус мужа внутри правящего рода. Причем, по предположению П.О. Рыкина, важен был сам факт обмена, который также подразумевал дальнейшую лояльность правителя по отношению к Монгольской империи [48]. Отметим, что в «Сокровенном сказании» большие почести за поход на лесные народы получает Джучи, которому передали эти земли в улус, и тогда же некоторые вожди местных племен за присоединение к Джучи получили в жены дочерей Чингис-хана. Такой же почести удостоился уйгурский идикут [49, с. 122–123]. Очевидно, что описываемая в летописи информация отражает реальную практику, применяемую монголами для укрепления своей власти на подчиненных территориях. Причем факт похода Джучи в Сибирь сближает его с подобным же действием Тайбуги.

Близкая ситуация с браками описывается у Марко Поло, который пишет о том, что «великие ханы... всегда выдавали своих дочерей и родственниц за царей из рода попа Ивана» [40, с. 241], причем до этого уточняется, что этого царя звали Унекан, а по-французски это значит поп Иван [40, с. 232]. При этом мы должны учитывать, что М. Поло здесь передает скорее некую мифологию, характерную для европейского сознания, чем реальную политику великих ханов, особенно с учетом того, что от рода Ван-хана в живых, по всей видимости, никого не осталось. Очевидно, что укрепление своего положения через гурgenство было хорошо знакомо Тайбугидам, особенно если учесть дальнейшую политику князя Ходжи, который женил своего сына Мара на сестре Ибрахим-хана, возможно пытаясь получить титул беклярибека.

Далее следует еще более любопытная фраза: «и царь Чингис умер бездетне, только имел единую дочь. И по смерти своей царь приказал все свое имение зятю и дочери» [39, с. 118]. Тем

самым еще раз идет отсылка к тому, что земля эта была завещана Тайбугидам по указу Чингис-хана, причем в данном случае подразумевается, что это был его единственный родственник по мужской линии. Конечно, это выглядит абсурдно с точки зрения современного исследователя, который хорошо знаком с величиной Золотого рода, но явно не было таковым для создателей политического мифа Тайбугидов. К тому же момент бездетности Чингис-хана отмечается, хотя и очень смутно, в «Подлинном родослове Глинских князей», записанном в Москве в начале 1520-х годов и хорошо известного в Москве на протяжении XVI века. Согласно этому документу, род киятов был перебит Чингис-ханом, однако позднее он выдал свою дочь за одного из последних его представителей, а сам умер бездетным. Отсюда произошел Мамай и его далекие потомки князья Глинские, а, следовательно, по женской линии Иван IV [53, с. 319 и далее]. В целом, очевидно, что речь в таких случаях идет не только о реальном Чингис-хане, правителе Монгольской империи, а скорее о некоем образе, сохранившемся в народном сознании и, возможно измененном в условиях политических противостояний позднего средневековья.

Таким образом, личность Тайбуги была значима, поскольку именно при нем данный род закрепил за собой власть, в том числе и с помощью наследования от Чингис-хана, а также была построена будущая столица Чимги-Тура. Исследователи пытаются доказать историчность личности данного правителя. Очевидно, что сами тюменские татары воспринимали Тайбугу как реального человека даже в 1670 году, когда рассказ о его роли как основателя Тюмени попал в «ведомости» тобольского воеводы П.И. Годунова [31, с. 186]. В ведомости Тюменской воеводской канцелярии 1746 г. на вопрос об истории города любопытен ответ: «Прежде сего в древних годех Моаметова закону от сибирского царя Чингии отпущен князь Тайбуга со всем домом своим на реку Туру и тамо созда[л] град и нарече его Чингидин и де же на том месте стоит град Тюмень» [55, с. 204].

Наиболее аргументированной выглядит попытка Д.М. Исхакова обосновать происхождение Тайбуги из племени буркутов на основании упоминания темника с таким именем при Шибане во второй четверти XIII века по «Таварих-и гузида-Нусрат-наме» (справедливости ради отметим, что до того этот автор считал, что Тайбуга был бием салджигутского тюмена) [18, с. 224–227]. Среди аргументов этой версии наиболее важным является то, что хаким Чимги-Туры, передавший ее Абу-л-хайру, также происходит из племени буркут [18, с. 227; 29, с. 143–144]. Кроме того, первая жена этого хана тоже из буркутов и именно у нее родился наследник Шах-Будаг-султан, которого убил Ибак [29, с. 354]. Возникает вопрос: не может ли здесь проследиваться преемственность системы управления Тюменским юртом внутри буркутов, получивших ее от кого-либо из Чингисидов? Особенно, если мы вспомним о том, что Иоганка-венгр в начале XIV века упоминал татар из Сибири, которые выполняли функции судей [4, с. 91], возможно, будучи там наместниками. Мог ли бывший темник Шибана получить в управление земли на крайнем севере улуса своего сюзерена в управление? По крайней мере, это не противоречило в целом юридической системе Монгольской империи и Золотой Орды [41, с. 145]. Кроме того, тогда становится понятна причина важности союза с этим кланом для Ибрахим-хана, желавшего подчинить наиболее крупный городской центр вилайета. Возможно, Тайбугиды также искали его именно после гибели Абу-л-хайра, и тогда бий Ходжа мог погибнуть в ходе похода в Среднюю Азию на его наследника. Одновременно с этим данный факт мог бы объяснить название самой Тюмени как связанной именно с наличием здесь десятитысячного отряда во главе с темником, что соответствовало бы статусу наместника. Может ли это русское название отражать деление Золотой Орды XIV века на т.н. «тюмени» остается для автора данной работы нерешенным вопросом. При этом обратим внимание, что как при Шибане, так и при его потомке Абу-л-хайр-хане буркуты упоминаются вместе с кланом тюмен [18, с. 226–227].

Таким образом, версия о буркутской принадлежности Тайбуги с точки зрения внутренней логики явно обладает массой привлекательных моментов. В тоже время возникает одна трудно разрешимая проблема: племя буркут не фиксируется в иных источниках непосредственно в составе улуса Шибана, что является весьма странным, если этот клан был действительно настолько важен, как описано выше. Кроме того, складывается впечатление, что название Тюмень характерно только для русских источников (в частности, русскому дорожнику, использованному С.Герберштейном) и связанных с ними западноевропейских картах, а сами татары так город не называли [6, с. 22; 7, с. 248]. Несомненно, что этот город был важнейшим центром Сибирского юрта в монгольское и постмонгольское время, хотя даже в это время не всегда ясно его наименование на имеющемся картографическом материале. Однако среди восточных источников известным нам исключением является лишь позднее сочинение XVII века Ахмеда Деде, в котором рассказывается о смерти Тохтамышя в 807 г.х. у Тюмени [32, с. 148]. У сибирских татар этот город именуется Чингиден или

используются близкие названия, которые в среднеазиатских летописях могут трансформироваться просто в Туру; так, например, внук Кучума Девлет-Герей использовал название Чимги-Тура [6, с. 30; 31, с. 478; 29, с. 91]. Происхождение этого названия, по всей видимости, несмотря на споры лингвистов, в повседневном обиходе связывалось с именем Чингис-хана, как это нашло отражение в Сибирских летописях. У С.Ремезова также упоминается название Онцимки, которое отсылает к образу Он-Сом-хана или даже к сдвоенному образу Она и Чинги одновременно. В тоже время история и причины появления названия Тюмень в русских источниках для этого города с начала XV века для автора данной работы остаются не ясными. Очевидно, что вопрос об основании этого города и его значении в истории Сибирского юрта невозможно решить без применения археологии, как это сделано для Искера, однако большая часть средневековой Чимги-Туры разрушена в результате хозяйственной деятельности. Не менее очевидно, что, несмотря на указание на разрушение Чимги-туры после убийства Ибак-хана данный город сохранял свое значение при его наследниках в первой половине XVI века [26, с. 101 и далее], что, скорее всего, и заставило Тайбугидов уйти на восток на Иртыш. Значение этого города постепенно снижается уже при Кучуме, который использовал бывшую тайбугидскую столицу. А.Т. Шашков считал, что такой уход из бывшего столичного города Тайбугиды могли использовать и ранее, уступая его Шибанидам (например, в Мемет-Туру выше по реке Туре) [58, с. 73].

Если вспомнить о возможном эпическом характере рассказов об основателях клана Тайбугидов, то вполне резонно предположить, что в личности одного правителя моли найти отражения несколько действовавших в истории лиц. В этом отношении весьма любопытно было бы сравнить эти материалы с еще одной легендой, согласно которой в Сибири около 1523–1524 гг. действовала бухарская мусульманская религиозная миссия, в результате которой местное население подняло восстание и ушло в верховья Иртыша. Не менее любопытно, что вторую такую миссию возглавил некий Тайбуга-бий, который был сыном бухарского хана [12, с. 40–41]. Отношение к этому сообщению двойственное, в частности по тому, что большая часть информации не поддается параллельной проверке по каким-либо среднеазиатским источникам. В тоже время в рамках нашей версии о специальной создании генеалогии сибирского княжеского рода она могла бы рассматриваться в качестве третьего уровня, где местные идеологи обращаются уже к исламским традициям, что весьма значимо с учетом возможностей трактовки ряда имен сибирских князей именно как мусульманских. Кстати говоря, здесь мы вновь, как и в отношении Ходжи, находим упоминание бухарского хана. Еще одно подобное упоминание можно встретить в «ведомости» тобольского воеводы П.И. Годунова, где говорится, что Тайбуга был сыном Мамет-хана из казачьей орды, который получил владения в Сибири после того, как Чингис-хан покорил Бухару [31, с. 186]. Нам кажется, что сюжет о связях Бухары с различными сибирскими политическими объединениями еще не нашел своего исследователя, особенно если вспомнить, что последний представитель сибирской княжеской династии Сейдяк находился на воспитании в доме некоего сейида в Бухаре.

Вместо заключения

Таким образом, устные и письменные источники, положенные в основу описанной в русских летописях истории Тайбугидов, могут являться отражением попытки создания античингизидской идеологии Сибирского княжества. Следует учитывать, что литература и устные рассказы в форме преданий очень часто использовались для подчеркивания главенства одного рода над другим. В этом отношении широко известным является пример «шибанидской историографии», которая в частности была использована против Тука-Тимуридов (например, «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи). В целом это характерная тенденция для большинства политических объединения на постзолотоордынском пространстве в период позднего средневековья. Так, «Дафтар-и-Чингиз-наме», включающая в себя башкирские предания и шежере, обосновывает власть башкирских биев через особые пожалования Чингис-хана в форме ярлыков, что чрезвычайно схоже с некоторыми сюжетами Сибирских летописей. Образ Чингис-хана, основавшего единую империю и желавший ее сохранения через наследование власти внутри Золотого рода, становится основой для сепаратизма автохтонной элиты. Этот образ является с одной стороны отражением общего прошлого, а с другой может специально искажаться в угоду новым правителям, например через подчеркивание его бездетности. Очевидно, что создание подобного рода устных или письменных рассказов было действенным способом изменения окружающей политической действительности. При этом следует учитывать, что татарские рассказы были дополнительно переработаны русскими авторами, и, следовательно, отнести изначальный рассказ к типу исторических или генеалогических преданий сейчас

практически невозможно. В частности, Ю.М.Юсупов пишет о том, что «историческое предание «обслуживало» конкретный этнокультурный социум». При этом в дальнейшем акценты в нем могут смещаться в пользу правящих династий, в том числе через прямое искажение исторических фактов. Основным хранителем этих рассказов становится аристократическая среда [60, с. 14–16].

В целом, еще раз отметим, что нет резона искать какие-либо потерянные поколения между основателями династии Он-Сом-ханом и Тайбугой и реальными политическими деятелями второй половины XV века, вставшими во главе Сибирского княжества. Обратим внимание на тот факт, что Тайбугиды были не одиноки в своих начинаниях. Фактически в то же время (около 1480 г.) архиепископ Вассиан пишет послание Ивану III, в котором объявляет хана Большой Орды Ахмата самозванным царем, но не по причине его личного самозванства (как это можно было делать, например, с фигурой темника Мамай), а по причине не царского рода самого Бату и его деда Чингисхана. Все это делалось в условиях становления новой православной идеологии Русского государства, которая ориентировалась на иные политические ценности. В данном случае в ханском достоинстве отказывают всем Чингизидам и, следовательно, подвергают сомнению легитимность самой власти ордынских царевичей [8, с. 146–147; 47, с. 171]. Однако создававшиеся в иных внешнеполитических условиях татарские рассказы о Тайбугидах не могли игнорировать общие для степного постмонгольского пространства представления, признававшие значительное влияние Чингисхана. В результате в сибирском летописании, кроме некоторых версий, Чингис имеет титул царя. В целом мы сталкиваемся с блоком весьма схожих представлений, распространенных в идеологии ряда народов Евразии. Вопрос о том, могли ли в таком случае сюжеты Сибирских летописей отражать не только мировоззрение татарских рассказчиков, но и некоторые общие моменты, характерные для русской литературы этого периода, еще ждет своего исследователя. Тем более, если учесть вполне реальную возможность создания именно такой версии сибирской истории, не учитывающей правителей из ханской династии Шибанидов, русскими летописцами, как отражающую общую тенденцию русской историографии этого периода. Ведь такая версия событий не только легитимизировала самих Тайбугидов, но и объясняла право Русского государства на присоединение данной территории.

Список источников и литературы

1. Абрамов Н. Город Тюмень // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 50. Отдел II. Часть неофициальная. С. 712–715.
2. Алишина Х.Ч. Искер-Сибирь-Кашлык // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 122–125.
3. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып.1. XVII век. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 280 с.
4. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Вып. III. М.-Л., 1940.
5. Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 2008. 252 с.
6. Белич И.В. Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г. Тюмень // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Востлит, 2009. С. 14–34.
7. Герберштейн С. Записки о Московитских делах // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 152–301.
8. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личность и ментальность русского средневековья. Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
9. Грамота царя Федора Иоанновича к сибирскому царю Кучуму о прекращении его преследования и о позволении ему приехать в Россию для получения замены за потерянное Сибирское царство (1597 г. мая 20) // Тобольский хронограф. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 11–13.
10. Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск – Шадринск, 2008. С. 45–60.
11. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Сибирь XVII века глазами современника: С.У.Ремезов и его история Сибирская // <http://www.mmedia.nsu.ru/vbook/>.
12. Дмитриева Л.В., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Вып.2. М., 1975.
13. Дмитриев С.В. Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан // *Mongolica* – IV. СПб., 1998. С. 25–29.
14. Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 244–262.
15. Илдан белен Голдан (дастан) // Мирас. 2002. № 3. С. 17–31.

16. Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрко западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV веке // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск – Омск, 2002. С. 173–180.

17. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006. 196 с.

18. Исхаков Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» – Тайбугидов // Этнос. Общество. Цивилизация. II Кузеевские чтения. Материалы международной конференции. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 224–227.

19. Исхаков Д.М. Институт сибирских князей: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта // Гысылал Авазы (Эхо веков). 2008. № 2 // http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/05/01/.

20. Кепинг К.Б. Имя Чингис-хана в тангутской песне // <http://www.kepping.net/raboty-13.htm>.

21. Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост.лит, 2009. С. 189–236.

22. Кычанов Е.И. Властители Азии. М.: Вост.лит, 2004. 631 с.

23. фон Кюгельген А. Легитимизация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы, 2004. 516 с.

24. Летопись Сибирская, изданная Г.Спасским. СПб., 1821. 82 с.

25. Маслюженко Д.Н. Генеалогические легенды как фактор захвата власти (к проблеме ценности рода в кочевых обществах монгольского времени) // Система ценностей человека как социокультурная реальность. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2002. С. 62–71.

26. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2008. 168 с.

27. Маслюженко Д.Н. Фальсификация генеалогии в кочевых обществах (на примере шеджере сибирского княжеского рода Тайбугидов) // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 227–229.

28. Маслюженко Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрагим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост.лит, 2009. С. 237–257.

29. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К.Ибрагимов и др. Алма-Ата: Наука, 1969.

30. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII в. Тексты, перевод, комментарии. М.: Наука, 1979.

31. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 2005. 630 с.

32. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. 164 с.

33. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960.

34. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970.

35. Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 1999. С. 55–60.

36. Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 17–23.

37. Дель Плано Карпини Дж. История Монгалов // Путешествия в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 30–86.

38. Полное собрание русских летописей. Т.9–10. Патриаршая. Или Никооская, летопись. М.: Наука, 1965.

39. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.

40. Поло Марко. О разнообразии мира // Путешествия в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 192–380.

41. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. 260 с.

42. Пузанов В.Д. Условия формирования военно-административной системы в Зауралье // Итоги и задачи регионального краеведения: Материалы Всероссийской конференции. Ч.1. Курган, 1997. С. 72–74.

43. Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 555–594.

44. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 282 с.

45. Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн.2. М.: Художественная литература, 1989.

46. Де Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 88–190.

47. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.

48. Рыкин П.О. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики культурный контекст // <http://khubilai.narod.ru/business.html>

49. Сокровенное сказание монголов / пер. С.А.Козина. М., 2002. 156 с.

50. Султанов Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб.: СПбГУ, 2005. 304 с.
51. Трепавлов В.В. Сибирско-ногайские отношения в XV–XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады II международной конференции. Кн.2. М.-Иркутск-Тэгю, 1997.
52. Трепавлов В.В. Власть и управление в тюркском кочевом обществе (по эпическим сказаниям народов Южной Сибири) // Тюркологический сборник – 2005: Тюркские народы России и Великой степи. СПб., 2006. С. 323–354.
53. Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М.: Вост.лит, 2007. С. 319–352.
54. Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кичаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост.лит, 2009. С. 370–395.
55. Трофимова О.В. Ведомость Тюменской воеводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Материалы всероссийской конференции. Тюмень, 2007.
56. Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.
57. Цулая Г.В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане // Советская этнография. № 5. 1973. С. 115–122.
58. Шашков А.Т. К истории Тайбугидской легенды // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1998. С. 71–74.
59. Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.
60. Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV–XVI веков. Уфа, 2009. 192 с.
61. Юшков И.Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 35. Часть Неофициальная.
62. Frank A. The Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir // Papers of Inner Asia. № 27. Bloomington, Indiana, 1994. 26 p.

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой культурологии, зам. декана исторического факультета Курганского государственного университета; denmas13@yandex.ru.

И.А. Мустакимов

Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографичных источников

Вынесенная в заголовок статьи проблема неоднократно затрагивалась в исследованиях, посвященных различным аспектам истории Улуса Джучи. Среди исследований последнего времени особо следует отметить работы В.П. Костюкова и Д.Н. Маслюженко [23; 25; 29] (в этих же исследованиях наиболее полно отражена историография вопроса).

Целью настоящей статьи является разбор свидетельств арабографичных источников о территориальном и родоплеменном составе шибанидских владений в XIII в. и рассмотрение вопроса о распространении власти Шибанидов на Среднее Поволжье в первой половине XV в. В настоящей статье мы предполагаем также дополнить ранее вышедшие публикации исследователей новыми наблюдениями.

Дошедшие до наших дней источники сохранили немного сведений о владениях ханов и принцев-Джучидов в разные эпохи истории Золотой Орды. Сравнительно подробные (хотя и противоречивые в некоторых аспектах) сведения о владениях пятого сына Джучи – Шибана и его потомков в XIII–XV вв. содержатся в тюрко- и персоязычных хрониках начиная с XVI века. Некоторую информацию по указанной проблеме дают также арабские, русские и западноевропейские источники.

Назовем основные известные на сегодня материалы. Из тюркских источников это, первую очередь, анонимная хроника «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.) (далее – «Таварих-и гузида»). Необходимо отметить, что «Таварих-и гузида» послужила образцом для шейбанидской историографии¹ как по содержанию, так и по композиции. Среди других тюркоязычных источников следует упомянуть сочинения Абдаллаха Насраллахи (Балхи) «Зубдат ал-асар» (около 1525 г.),

¹ Под шейбанидской историографией здесь понимаются хроники, созданные в XVI в. при дворе Мухаммед Шейбани-хана и его преемников.